

Создание нового культурного пространства осуществлялось и за счет многочисленных переименований. Вместо имевшихся в каждом городе дореволюционной России Владимирских, Никольских и Спасских улиц возникли улицы Советские, Коммуны, Троцкого. Так, 21 февраля 1920 г. жители Челябинска проснулись в городе с новым культурным ландшафтом: накануне горуездный исполнительный комитет Совета принял решение переименовать 30 улиц, которым присвоили имена активных участников Октябрьской революции и гражданской войны⁵⁶⁴.

Из состояния катастрофической “разрухи”, дезориентации и потерянности жители Советской России выходили, лепя заново собственное прошлое, перекраивая культурный ландшафт и придавая новый смысл среде своего обитания.

Таким образом, реорганизация пространства в русской революции оказалась радикальной и тотальной, перекроившей не только внешние социальные условия существования, но и внутренний мир толкования и поведения, мир жизни (*Lebenswelt* в терминологии Э. Гуссерля, А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана) современников. Многое свидетельствует о том, что на вопрос, было ли это результатом целенаправленных и централизованных, в рамках каждого из конкурировавших политических режимов, действий, или плодом децентрализованного стихийного процесса “снизу” с неожиданными последствиями, однозначного ответа нет и не может быть. На уровне интенций и поощрений населения к активности определенного рода можно констатировать некую целостность и преемственность государственных усилий, однако возможностей реализовать их, по крайней мере до выхода из военно-революционных катаклизмов, у новых государственных элит не было. Практика преобразований пространства в российской революции, как показывает уральский пример, неизбежно приобретала черты хаотичных импровизаций, за которыми скрывались частные и, как правило, отличные от государственных интересов мотивы выживания самого населения.

Ю.Ю. Пажит
Екатеринбург

БЕСПРИЗОРНОСТЬ, БЕЗНАДЗОРНОСТЬ И ДЕТСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

За всю свою многовековую историю Россия знала различные места отбывания наказания. В то же время, следует отметить, что на протяжении довольно длительного исторического периода в стране отсутствовали не только правовые нормы, но и специальные исправительные учреждения для содержания подростков правонарушителей.

Одним из первых источников, который упоминает несовершеннолетних в качестве субъекта ответственности и наказания, является Артикул Воинский 1715 г., из которого следует, что «Наказание воровства обыкновенно умягчается, или весьма оставляется; ежели... вор будет младенец...». Однако законодатель не конкретизировал ни возраста, с которого начиналась уголовная ответственность подростка, ни наказания, которому он мог быть подвергнут. Лишь в 1909 г. Положением о воспитательных исправительных заведениях для несовершеннолетних была подведена правовая основа под действовавшие в стране и разнообразные по своему предназначению и выполняемым функциям соответствующие места отбывания наказания. К началу XX в. в России существовали такие заведения для несовершеннолетних правонарушителей, как ремесленные приюты, земельные колонии, трудовые колонии и приюты-корабли. На Урале первые колонии появились еще в XVIII в. и несли воспитательную функцию. Как правило, их образование находилась в ведении местных властей.

⁵⁶⁴ См.: Е. А. Калинкина. Новые названия улиц // Исторические чтения: Материалы научной конференции: История Челябинска: проблемы источниковедения и историографии. (Вып.) 4. Челябинск, 1997. С. 109 – 111.

В целом, исправительные заведения для несовершеннолетних развивались тем активнее, чем прочнее становились правовые основы их деятельности. Источники с беспристрастной очевидностью фиксируют тот факт, что детская преступность являлась одной из острых социальных проблем, решавшаяся по-разному на различных исторических этапах. Наиболее слабо изученным в данной предметной области является период Великой Отечественной войны, поскольку имеющиеся публикации пока не дают возможности считать проблему не только исчерпанной, но даже в достаточной степени сложившейся. Вопрос о последствиях, в том числе в человеческом измерении, требует более серьезного осмысления ключевых проблем теоретического и конкретно-исторического характера. К числу таковых относится и детская преступность, которая нередко являлась следствием беспризорности и несла на себе отпечаток той социальной катастрофы, которую пережило общество в первой половине XX в.

Изданная в 1930 г. Большая Советская Энциклопедия давала следующее определение беспризорности: "Беспризорные – это несовершеннолетние, лишённые педагогического надзора и попечения и живущие в условиях, вредно действующих на их общественные проявления и здоровье. Беспризорными надо считать не только детей, потерявших родителей (или опекунов) и домашний очаг. Если родители (или опекуны) лишают детей пищи, грубо с ними обращаются, совращают их на преступления, разлагающе влияют собственным примером, - дети подобных родителей тоже считаются беспризорными"⁵⁶⁵. Термина "безнадзорность" энциклопедия не содержала, поэтому можно предположить, что это понятие в современном его значении входило в смысл общего понятия детской беспризорности. В годы Великой Отечественной войны в постановлениях правительства использовались оба термина, но их определений в законодательных актах того времени не было.

Однако именно в военные годы проблема детской беспризорности и безнадзорности, преступности среди несовершеннолетних встала перед государством особенно остро. Столь значительное количество беспризорных детей объяснялось тем, что многие из них с началом военных действий остались без родителей. Тяготы военного времени, эвакуация, оторванность от семьи, тяжелейшее материально-бытовое положение – все это не могло не сказаться на росте преступности среди несовершеннолетних подростков. Если в 1940 г. в РСФСР было осуждено 18,6 тыс. несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет, то в первый год войны эта цифра возросла до 25,3 тыс. чел., составив к 1944 г. 45,7 тыс. чел.⁵⁶⁶. Всего же в Советском Союзе в 1944 г. было привлечено к ответственности 78 тыс. подростков.

Рост детской преступности не мог не вызвать обеспокоенность государства. В результате в 1943 г. в составе НКВД СССР был организован Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью и соответствующие отделы (отделения) союзных и автономных республик, УНКВД краев и областей. В задачи Отдела входило руководство трудовыми и трудовыми воспитательными колониями для несовершеннолетних и приемниками-распределителями, трудоустройство попавших в них несовершеннолетних, а также отбывших наказание. Кроме того, Отдел обязан был согласовывать все связанные с ликвидацией детской беспризорности и безнадзорности вопросы с другими ведомствами и организациями.

С этой целью в Свердловской области была расширена сеть детских домов и интернатов. В 1942 г. и к началу второго полугодия 1943 г. в области насчитывалось 72 детских дома, к концу 1943 г. их количество составило уже 88⁵⁶⁷. Большое развитие приобрели такие меры борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью, как

⁵⁶⁵ Большая Советская энциклопедия. М., 1930. – С.438.

⁵⁶⁶ ГАРФ. Ф.9492. Оп.3. Д.48. Л.4.

⁵⁶⁷ ГАРФ. Ф.9412. Оп.1. Д.7. Л.52 (об.).

усыновление сирот в семьях трудящихся, патронирование и установление опеки. В 1942 г. на патронате состояло 1794 чел., в 1943 г. – 1863⁵⁶⁸.

Для детей фронтовиков и тех, чьи родители были заняты на производстве работали 1242 детских сада. В целях ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Свердловской области были организованы детские стадионы (4), дома пионеров (21), детские технические станции (19), областной дворец пионеров (1) и областные детские учреждения (3)⁵⁶⁹.

По решению областного и городского советов депутатов трудящихся в 1943 г. были созданы институты общественных инспекторов по охране детства. Всего в 37 городах и районах Свердловской области было утверждено 634 таких инспектора⁵⁷⁰. В то же время, комсомольскими организациями совместно с милицией проводились декадни и рейды по выявлению беспризорных и безнадзорных детей. По возможности им оказывалась материальная помощь. Например, по Нижне-Сергинскому району беспризорным детям было выдано 800 пар обуви и других вещей⁵⁷¹. Для установления личности детей, задержанных милицией и общественными инструкторами, в Свердловской области имелось 17 детских комнат.

Тем не менее, центральное место в ликвидации детской беспризорности и безнадзорности отводилось органам УНКВД, в ведении которых находились приемники-распределители и колонии для несовершеннолетних. Всего за три года войны (с 1943 г. по 1945 г.) через детские приемники-распределители страны прошло более 840 тыс. детей, из них беспризорных – 600,8 тыс. чел, безнадзорных – 241,3 тыс. чел.⁵⁷².

В Свердловской области в это время функционировало 6 детприемников-распределителей. Это Свердловский детприемник №1 и №2, Серовский, Каменск-Уральский, Красноуфимский и Нижне-Тагильский детприемники, из которых 2 (Каменск-Уральский и Свердловский №2) были открыты в 1943 г. В задачу детских приемников входило установление места нахождения родителей беспризорных и безнадзорных детей в двухнедельный срок. При этом следует отметить, что вплоть до организации Отдела НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью приемники находились в ведении ГУЛАГа, что противоречило основным выполняемым функциям этой структуры.

Помимо детских приемников в ведение НКВД СССР были переданы колонии для несовершеннолетних правонарушителей. Направляемые в колонии дети и подростки содержались там до получения ими определенной квалификации. И если в приемнике-распределителе срок пребывания подростков не мог превышать 2 недели, то в колонии продолжительность содержания могла устанавливаться вплоть до достижения 16-летнего возраста. На каждого беспризорного, подлежащего направлению в трудовую воспитательную колонию, начальник приемника составлял заключение на основе имеющихся о несовершеннолетнем материалов (справки о приводах в милицию, побегох из детских домов или с места жительства, сведения о родных, протокол задержания и т.д.).

Согласно данным Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью по состоянию на начало 1943 г., в колониях НКВД содержалось 7,3 тыс. несовершеннолетних заключенных, однако, в 1944 – 1945 гг. их численность заметно возросла, составив, соответственно, уже 23,9 тыс. и 24,3 тыс. чел.⁵⁷³. По характеру преступлений большинство несовершеннолетних были осуждены за кражи. Так, например, из осужденных в 1944 г. 23,9 тыс. чел. совершили кражи 19,4 тыс. чел. Представляется, что характер совершенных преступлений был обусловлен самим

⁵⁶⁸ Там же.

⁵⁶⁹ Там же. Л.53.

⁵⁷⁰ Там же.

⁵⁷¹ Там же. Л.53 (об.).

⁵⁷² Там же. Д.58. Л.2.

⁵⁷³ Там же. Д.16. Л.1; Д.57. Л.10.

временем войны. Для многих несовершеннолетних детей и подростков это, во многом, была возможность выжить, когда в экстремальных условиях войны люди находились на грани выживания, а иногда и за ее пределами.

Сложившаяся в Свердловской области ситуация не являлась исключением. В годы Великой Отечественной войны здесь были расположены Баранчинская, Верхотурская, Камышловская, Свердловская, Туринская колонии. При этом только Верхотурская трудовая колония существовала с 1933 г., остальные же были организованы на основании постановления СНК СССР №659 от 15.06.1943 г. По состоянию на октябрь 1943 г. в Верхотурской колонии содержалось 936 воспитанников⁵⁷⁴. Движение несовершеннолетних заключенных в Баранчинской, Камышловской, Свердловской, Туринской колониях в этот же период характеризовалось численностью, соответственно, в 46, 141, 33, 54 чел.⁵⁷⁵. Столь незначительное количество заключенных Свердловской воспитательной колонии объяснялось тем, что во-первых, само комплектование колонии началось только в октябре 1943 г., во-вторых, из направленных в нее 74 чел. 41 чел. заключенных совершили побег⁵⁷⁶. Как правило, по возрастному составу это были подростки 1928-1929 гг. рождения, по характеру преступлений – значительно большинство было осуждено за кражи⁵⁷⁷.

Необходимой составляющей в системе борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью являлась политико-воспитательная работа в детприемниках и колониях, возложенная на соответствующие отделы и отделения НКВД-УНКВД. По аналогии с ИТЛ, в трудовых воспитательных колониях она проводилась согласно составляемому на каждый месяц плану и включала в себя чтение лекций, докладов, газет и художественной литературы. Так, например, за период с сентября по ноябрь 1943 г. в колониях Свердловской области было прочитано 56 докладов и лекций, из них: в Баранчинской – 3, Верхотурской – 30, Камышловской – 8, Свердловской – 5, Туринской – 10.⁵⁷⁸ Повышенное внимание к проведению политико-воспитательной работы в Верхотурской колонии, объяснялось, видимо, тем, что с 1937 г. она принадлежала к учреждениям закрытого типа, в которых содержались "рецидивисты, "бегуны", хулиганы и дезорганизаторы производства"⁵⁷⁹.

Своеобразным, но характерным для всей системы исправительно-трудовых учреждений, методом борьбы с преступностью являлась агентурная работа. В условиях всеобщей подозрительности в колониях шла вербовка несовершеннолетних заключенных с целью выявления среди них "врагов народа". Согласно циркуляру Оперативного отдела ГУЛАГа НКВД СССР №95 от 09.05.41 г. "Об агентурно-оперативном обслуживании трудовых колоний несовершеннолетних преступников и детских приемников-распределителей" "борьба с уголовной преступностью и вражеской работой среди несовершеннолетних преступников" была возложена на оперативно-чекистские отделы, отделения и группы УИТЛК-ОИТК НКВД-УНКВД⁵⁸⁰. Методы этой борьбы не отличались от таковых в лагерях и в обязательном порядке включали в себя вербовку агентурно-осведомительной сети среди несовершеннолетних старших возрастов. Особое внимание уделялось агентурному обслуживанию несовершеннолетних правонарушителей, осужденных за контрреволюционную работу, перебежчиков и детей репрессированных.

В целом необходимо отметить, что рычаги давления на несовершеннолетних были те же, что и в ИТЛ – снижение нормы довольствия, карцер, лишение свидания с родными и т.д. Воспитательные функции учреждений для несовершеннолетних правонарушителей

⁵⁷⁴ Там же. Д.7. Л.56.

⁵⁷⁵ Там же. Лл.56 (об.), 57.

⁵⁷⁶ Там же. Л.57.

⁵⁷⁷ Там же.

⁵⁷⁸ Там же. Л.60 (об.)

⁵⁷⁹ Дети ГУЛАГа. 1918-1956. /Под. ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. С.С. Виленский и др. М., 2002 – С.229.

⁵⁸⁰ Там же. С.367.

сочетались с жестким режимом, разветвленной системой поощрений и наказаний, нередко близкими к лагерным условиям существования.

С одной стороны, сложившаяся ситуация была обусловлена тяжелейшим материальным положением страны в годы войны и, как следствие, недостаточным финансированием колоний, обеспечением необходимыми продуктами питания и предметами быта. С другой стороны, сказывалось влияние ГУЛАГа, в ведении которого находились учреждения данного типа. В соответствии с практикой лагерей в колониях была выстроена как политико-воспитательная, так и агентурная работа среди несовершеннолетних заключенных. В последнем случае архивы свидетельствуют о поиске среди подростков "врагов народа". Не последнюю роль играл и кадровый вопрос. В детских приемниках-распределителях и колониях ощущалась острая нехватка педагогов. Нередко их заменяли сотрудниками УНКВД, которые зачастую не видели разницы между взрослыми заключенными и несовершеннолетними правонарушителями.

И, тем не менее, очевидно, что организация Отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в составе НКВД СССР и территориальных его отделов свидетельствовала об осознании самого существования такого явления, как беспризорность. Безусловна та значимая роль, которую этот отдел играл в борьбе не только с детской беспризорностью, но и в целом в борьбе с преступностью среди несовершеннолетних. Другое дело, что не всегда методы соответствовали заявленным воспитательным целям, а сама материальная база обеспечения необходимого уровня проживания и воспитания оставляла желать лучшего. Однако нельзя не признать, что в экстремальных условиях военного времени, когда все материальные и людские ресурсы страны были направлены на борьбу с врагом, проблема детской беспризорности и безнадзорности оставалась в центре внимания органов НКВД.

Ю.Ю. Пажит
Екатеринбург

ПОЛЬСКИЕ СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ-ОСАДНИКИ И БЕЖЕНЦЫ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЧИСЛЕННОСТЬ, РАЗМЕЩЕНИЕ, СОСТАВ

На протяжении 1940-х гг. территория Среднего Урала оставалась местом высокой концентрации различных категорий спецконтингента – заключенных, спецпоселенцев, трудмобилизованных НКВД СССР, военнопленных и репатриантов. Тем не менее, вплоть до начала Второй мировой войны эта часть советского общества была представлена лишь теми, кто содержался в лагерях и колониях и раскулаченными. Вхождение Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР повлекло за собой ряд репрессивных мер, в результате которых из этих территорий, а также из Литвы было депортировано более 380 тыс. поляков⁵⁸¹. В ведомственных документах они именовались «осадниками» и «беженцами».

Согласно официальной версии, «осадники» являлись злейшими врагами трудового народа. Фактически же к этой категории переселяемых относились бывшие военнослужащие польской армии, которые отличились в советско-польской войне 1920 г., за что получили земельные наделы в восточных районах страны. К спецпоселенцам-беженцам относили тех польских граждан, которые бежали на восток от вермахта. При этом их рассматривали не как врагов советского государства, а как «интернированных эмигрантов». На практике такое отношение к ним выражалось в том, что беженцы имели заметное преимущество при вселении в относительно благоустроенные жилища, в снабжении продовольствием, зимней одеждой и т.д. Переселение осуществлялось

⁵⁸¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х тт. /Т.2. 1940-1949. М., 2001. – С.167.